

Гражданин Очер

1

Для того чтобы писать о Пушкине, я читал его жизнь по его стихам. Один черновой отрывок поразил меня:

О страх, о горькое мгновенье
О... когда твой сын
Упал сражен и ты один
Забыл и славу и сраженье
И предал славе ты чужой
Успех достигнутый тобой.

и больше ничего.

Так печаталось во всех изданиях.

Кто это?

Отец и сын, вместе сражающиеся. И горькое мгновенье, которое поразило поэта. О ком, о чем эти стихи? Быть может, это о древних героях, о богатырях? И чужая слава, другой богатырь враждебный? Нет, эти стихи были слишком живы, в них чувствовалась близость временная или пространственная к поэту. Отец и сын были где-то близко.

И, изучая богатырей других — богатырей двенадцатого года, я, наконец, с полной ясностью обнаружил имя, еще пропускавшееся во всех изданиях. Я писал тогда о лицейских годах Пушкина. Имя, которое еще не было разгадано, — это было непрочтенное имя Строганова.

О страх, о горькое мгновенье,
О Строганов, когда твой сын
Упал сражен, и ты один
Забыл и славу и сраженье
И предал славе ты чужой
Успех достигнутый тобой.

Строганова хоронили с воинскими почестями во время окончания Пушкиным лицея.

А чужая слава, к которой Пушкин относился недружелюбно, был нелюбимый Пушкиным Воронцов. Горькое мгновенье — был трагический для Строганова конец сражения при далеком Краоне.

Помня стихи Пушкина, я посмотрел портрет Строганова. Он был удивительно красив, с тонким бледным лицом. Я стал читать о нем. «Дней Александровых прекрасное начало» — быть может, труднее всего для изучения. Век еще не нашел себя. Лицо Строганова было лицом этих дней. Это время нашло себя. Этот бледный человек еще умел ненавидеть. Ненависть его к Наполеону сделала его военным.

Мы читаем биографии людей. Мы любим их читать. Существуют ненаписанные биографии мест. Места связаны с людьми. Это связь крепкая, нерушимая. Об этом лучше всех ученых написал Лермонтов. В «Дарах Терека» — открытие. Река, сорная, дикая, бурная, любит девушку. Лермонтов писал не о любви отвлеченной. Так, именно так любят родину — ее любят как живую. Недаром места и люди меняются именами. Одно место Урала стало именем русского человека. Он сам назвал себя так в конце XVIII века. Он назвался так в Париже.

Французская революция слышала уральское имя, название. А потом — яростная борьба с Наполеоном, вторгшимся в русскую землю. Быть может, одно из самых своеобразных русских мест — уральское место Очер. Этим именем назвался этот человек. Это имя слышали французские якобинцы и русские генералы. Запомним это название, запомним имя: Очер.

У старика Строганова был дурной характер.

Он взял себе дурную привычку громко ворчать на императрицу за картами. Однажды, когда он играл с ней в экартэ и императрица пошла не так, как нужно, у императрицы зазвонил колокольчик. Прибежали фрейлины, и заглянул Храповицкий, секретарь. Императрица сказала им, указывая на Строганова:

— Он кричит на меня. Как бы ему не вздумалось драться.

Когда-то, при Алексее Михайловиче, Строгановы судились по особым законам, относящимся только до них. Екатерина со своим женским чутьем с ним не ссорилась. Она звала его кумом.

— Я с кумом боюсь одна быть. Он горяч.

Он сильно тягался с богатым монастырем из-за Усолья и, когда часть соляных богатств у него все же оттягали, перестал почитать церковную власть и стал богохулом.

— Святые отцы, соленые уши, — говорил он.

Он там не бывал затем, что и здесь солоно. Вообще же он жил как хотел в своем дворце, который ему построил Варфоломей Растрелли и которым он был доволен. Здесь он воспитывал сына и старался воспитать его так, чтоб никто не сказал, что он рос без матери. Поэтому он нанял к сыну воспитателем ученого француза Ромма. Он не хотел вмешиваться в воспитание, не считая это полезным, а также потому, что был занят другим. Как бы то ни было, сын Павел не был предоставлен самому себе. Ученый Ромм, большеголовый, малого роста, был действительно воспитатель суровый и крепкий. Побившись о заклад, что будет читать по-китайски через неделю, — выиграл. Воспитывался вместе с сыном еще один мальчик, Воронихин Андрей, мальчик строгий, молчаливый. Как он появился в этом доме, никому было не известно, а Ромм не спрашивал. Старик Строганов сказал Ромму, что он предназначил ему строить дома, потому что, кроме Растрелли, он в Петербурге по вкусу строителей домов не встречал. Выросши, он ему построит другой дом. Однажды появилась в доме женщина в темном синем кафтане, неторопливая. Звали ее Акулиной. Она ни о чем ни с кем не говорила. Видно было, что раньше она здесь бывала или даже жила, потому что комнаты знала, а на антресоли к Павлу и Андрею всходила легко и никого не спрашивая. Провела она здесь целый день. А когда собралась уходить, долго смотрела на Андрея широко раскрытыми глазами, и глаза эти вдруг заплыли слезами. Крупные слезы падали, а лицо было неподвижно. Перед уходом вдруг решила: обняла его. И видно было, что не упустила ни одного его движения, жеста, все унесла с собою. А уходя, вдруг сунула Андрею из руки в руку пряник. И улыбнулась. Видно, так она улыбалась давно. И, не обернувшись, ушла.

Старик Строганов, как всегда, ничего не говорил ни о матери Павла, ни о матери Андрея Воронихина. — Esclavage, рабство, — спокойно сказал Ромм. Павел потупился. Ромм увидел, как он побледнел. Кто была Акулина, Ромм не спрашивал. Кто был отец Андрея и почему он (сам) здесь, нечего было спрашивать. Старик Строганов готовил себе архитектора. Андрей Воронихин чертил планы, рисовал довольно верно комнаты, плафоны растреллиевского дома, а как-то набросал портрет Ромма, его лицо без улыбки, его длинную блузу, в которой он ходил по утрам и давал им объяснения по математике. Потом Андрей приказал развесить все картины, висевшие в комнате, и обозначил места. Старик не возражал, но и только.

Старик Строганов в эти дни был тревожен.

В Петербург внезапно приехал граф Калиостро. Старик, падкий на новости, слушал его предсказания и смотрел чудеса, им показываемые. Приехал Калиостро с очень красивой женой. Опыты его по превращению в золото всего, к чему он ни прикоснется, всех потрясали. Затем он объявил, что собирается строить, — ввиду того, что скоро последует конец света, — новый ковчег. Он собирался строить ковчег из пробкового дерева для спасения тех людей, которые этого захотят, а значит, и будут этого достойны. Ковчег из пробки, утверждал Калиостро, пристанет к месту где-то поблизости от Базеля. Строганов давал мудрецу на изыскания крупные деньги. Императрица Екатерина восстала и против ковчега и против опытов. Она осмеяла прибывшего в Санктпетербург спасителя в комедии, в которой вывела спасителя под именем Калифалжерстона, объединив в этом имени имена всех знаменитых мошенников. Она выслала Калиостро. Старик Строганов был этим недоволен. Но тут неожиданно заговорил Ромм. Он оказался яростным приверженцем взглядов императрицы, ее мнения о Калиостро, и, во всяком случае, он вполне одобрял его высылку. Он был ярый враг Калиостро. Проект спасения в пробковом ковчеге рассчитан на слабых. По мнению Ромма, из разновидностей врагов человечества всего опаснее слабые. Старик был поражен этим разговором. Впрочем, относительно золота, которое добывал Калиостро без всяких трудов из всех других металлов, например из меди, прикосновением рук превращая их в золото, Строганов тоже был невысокого мнения.

— Здесь чуда нет, — сказал он, — и у меня медь в золото превращается. — Он вспомнил о Кунгуре. Его медь быстро превращалась у него в золото и потом исчезала. Это круговращение ему надоело.

Сын Павел заботил его. Время теперь стало быстрее, недаром понадобился ковчег. Он попросил Ромма дать ему точное указание, что он намерен делать, как сына воспитывать и скоро ли думает он кончить это воспитание. Как бы время не перегнало. И Ромм ответил: — Время никого перегнать не может. опередить может только раз.

Старику давно уже не нравилось это воспитание. Его споры с сыном все учащались. Они не то чтоб спорили, но почти не говорили друг с другом, тихо, ощерясь, выжидая. Бледное, тонкое лицо Павла было неподвижно. Старик начинал пугаться сына. Он его не понимал. Мальчик воспитывался без матери — ее дурное поведение, всем известное, вызвавшее толки, ставшее известным императрице, было причиной этого. Он как чумы боялся разговора о чувствах. Поэтому он и нанял воспитателем Ромма. Ромм сказал ему, что чувство воспитывать не берется, да это вряд ли и возможно, а берется сопровождать Павла до тех пор, пока не воспитает в нем разума. Разум — закон — справедливость. Так называемые чувства могут воспитать маркизы, а он, Ромм, для этого прост. Он математик, и самое краткое расстояние между двумя точками есть линия прямая. После предварительного обучения надлежит путешествовать и осмотреть места, с которыми Павел будет связан, наконец, поехать за границу на четыре года. Он был недоволен Павлом и сказал Ромму:

— Мальчик не имеет чувства меры. Как, впрочем, и другие.

Но Ромм, удивленный тем, как побледнел Павел, когда он сказал о рабстве при уходе Акулины, сказал Павлу: «Катон брал в воины только тех, кто от гнева краснеет. Он не

принимал в военное звание тех, кто от гнева бледнеет. Вы сегодня побледнели. Итак, вы не бледнеете от гнева или не будете воевать. Катон это знал: он сам воевал».

3

Ямщик гнал. Они неслись по незнакомым местам. Павел сидел, подавшись вперед, неподвижно. Ямщичья гоньба была свирепая. Обвинские кони были горячи без удержу. Андрей Воронихин вдруг сказал ямщику:

— Загонишь.

Ямщик, не оборачиваясь, ответил:

— Не уймутся, толстоногие.

А на вопрос Павла объяснил: он их гонит, чтобы сами унялись, — иначе не уймутся.

Ромм равнодушно глядел по сторонам и спросил: почему все деревья отмечены здесь топором? И кучер объяснил неохотно, что это знаки, затесы, железные, что так метят здесь железо, руду: где копать.

— Железо железом метить. — И указал кнутом на одну: моя засека. В самом деле, невольная гоньба унялась. — Теперь смиренные, — сказал ямщик. — Здесь руду роют, железо делают.

Они ехали шагом, молча.

Вдруг ямщик запел.

Павел сидел как замороженный.

Так ямщики не пели раньше, до этих мест.

Ходит царь вокруг Нова-города...

Это был ямщик заводской, с очерских заводов.

Павел на каждом повороте делал движение. Он не мог усидеть, порывался спрыгнуть. И спокойный, молчаливый сидел рядом Андрей Воронихин, родом из здешних мест. Кони стали. Очер.

С утра он ходил по Очеру. Пылали кругом печи, большие и малые.

Он видел руду разных цветов — от бурого до розового, видел, как вместо земли появляется брус железа. Раз на реке Очер видел он игральное. На телегах, под парусными пологам молчаливый бородач торговал пряниками. Скалистый берег с каменной подушкой был молчалив, как Андрей. Ночью Андрей Воронихин бродил у реки.

Высокие выступы его привлекали. Земляные валы казались сделанными каким-то мастером. Может быть, это так и было в древности. Мастерской здесь занят был чугунным литьем. Он к утру кончал лепить из глины свое зверье: волка, куницу, горностаю. Всматриваясь острым и недоверчивым взглядом, он сказал Андрею: «Отойди. Ты мне застишь». И Андрей отступил. Мастерского звали, как его, также Андреем. Он заливал чугуном до краев глиняные грубые фигурки, которые разлетались.

— Чугунное литье, — говорил он недоверчиво.

Уже были готовы волк, куница, горностаю. Других он не готовил. Ромм внимательно посмотрел на волка, куницу, горностаю.

— Кто это?

Вечером он сказал:

— Вскоре здесь появится разум. Ночью Павел слушал уральского соловья. Потом он увидел рядом четырехугольную голову Ромма. Ромм тоже не спал, тоже слушал уральского соловья. Потом он сказал Павлу:

— Эти птицы безумны. Разум никогда их не коснется. Они потому и лишают нас сна.

Ромм писал вечером обо всем, что видел, что застал и что признавал необходимым изменить и для чего. Когда они уехали, он взял с собой объемистую тетрадь. В Петербурге

он еще трудился над тетрадью и иногда обращался с вопросами к Воронихину и Павлу. Наконец он отдал старику Строганову большую рукопись, озаглавив ее «О том, что сделать надлежит и что надлежит утвердить и упразднить». Упразднить, по его мнению, надлежало нравы заводской полиции, утвердить надлежало Андрея как главного испытателя руды, не настаивая на его занятиях гоньбой. И наконец, о препятствиях — отдел краткий, который кончался личным письмом старому Строганову. Старик отнесся к тетради внимательно, но сказал, что все сие сообщит заводской полиции для руководства. Перед тем как они поехали в Париж, у них была беседа, и после этого Ромм более ни о чем не говорил. Роммовское описание осталось лежать на столе. Павел уезжал на четыре года. Ромм был уверен, что этого времени достаточно для того, чтобы достичь разума.

Ромм писал вечером о всем, что видел. У него выросла большая тетрадь. Он написал обо всем, что думал и видел, с тем чтобы Павел ознакомился со своими землями. Да, Павел запомнит Очер. Он запомнит его навсегда.

4

Клуб «Друзей закона». Павел Строганов каждый день к вечеру отправлялся в этот длинный приземистый дом, где собирались граждане. Сегодня собрание клуба «Друзей закона» шло особенно живо. Говорил широколобый адвокат из Араса. Оратор говорил речь о торжестве разума и о том, что бытие верховного существа охраняется друзьями закона. Павел записывал точно и дал оратору расписаться. Оратор расписался: Максимилиан Робеспьер. Павел скрепил подписью: Очер. Отчего он назвал себя Очером?

Может быть, оттого, что внезапно вспомнил в этом длинном четырехугольном зале очерские здания, где делали железо? Или потому, что был ранний час, как тот, когда они приехали в Очер? Или просто в такой час нужно быть с родным человеком? Воронихин невозмутимо рисовал для памяти здания, лица патриотов, дома не бывал. А он испытывал потребность быть не одному в этот час. И он взял для этого не имя человека, а имя места — имя близкое, надежное. В этом месте делали железо. И он стал гражданином Очером.

— Гражданин Очер! Вы еще любите запах мускуса?

— Я люблю его — это запах новобрачных.

— Гражданин Очер! Забудьте его! Это запах врагов.

Попрыскавшись мускусом, они бродят по Парижу и ждут часа. Патриоты прозвали их мускусными, мюскаденами.

— Гражданин Ромм, мускус более для меня не существует. Я презираю запах мускуса.

— Гражданин Очер, знаете ли вы, что новый календарь мною закончен. Вы помните, как в Очере вы сказали мне, что дышите впервые? Что вы ранее не понимали, что значит дыхание?

— Я помню это, гражданин Ромм.

— Таково первое наслаждение свободой и родиной, гражданин Очер. Новый календарь уже был тогда мною подготовлен в вашем доме наполовину. Какой у нас месяц?

— Гражданин Ромм, у нас месяц сентябрь.

— Я еще до конца декады предложу патриотам принять новый календарь. Сентябрь — октябрь — это виноградный месяц вандемьер. Потом будет туманный месяц — брюмер, а следующий — месяц инея — фример, потом снежный месяц — нивоз, месяц ветра — вонтоз, дождя — плювиоз, месяц посева — жерминаль, луговой месяц — прериаль, цветочный месяц — флореаль, месяц, дающий тепло, — термидор, дающий жатву — мессидор, дающий плоды — фрюктидор. Что называлось августом. Вы не расстаетесь, гражданин Очер, с месяцем двуликого Януса — январем. С месяцем Марса — мартом, месяцем Юлия Цезаря — июлем. Готовы ли вы проститься с двуликим Янусом?

— Я уже простился. Презираю двуликого Януса, гражданин Ромм.

Старик Строганов написал русскому послу о сыне. Пора было вернуть его. И в самом деле, было пора, можно было даже легко запоздать. Императрица по просьбе кума послала его быстрого сына в деревню. Лишенный возможности жить в столице, он там жил тихо в деревне и смиренно. Между тем шли большие годы. Екатерина скончалась, император Павел мелькнул, чтобы наполнить мир рассказами. Настало царствование Александра I.

И в первое же время царствования он послал за Павлом Александровичем Строгановым. Гражданин Очер стал ближайшим сотрудником, советником Александра I в первые годы его царствования. Он был одним из ближайших к нему членов негласного комитета. И там однажды, в эти первые годы, когда все еще было молодо, незрело, а император еще и не думал о монахах, у которых стал искать совета и руководства только под конец, — и вот однажды Павел Строганов сказал в негласном комитете речь, которая многих поразила. Это была горячая речь. Строганов призывал не бояться, не беречься дворян. Он говорил о том, что дворяне не решатся на открытое выступление против императора, что они предпочтут желать зла в тишине. И Строганов умолял Александра Павловича пренебречь дворянами и опереться на крестьян, крестьян, которые удивят мир своими талантами, ибо, по мнению Павла Александровича Строганова, именно таланты крестьян, а не дворян находятся в основе будущей жизни. Следует немедленно дать крестьянам свободу. Надо дать почувствовать крестьянам, сказал Строганов, почувствовать наслаждение свободой и собственностью — и сделать это тотчас. К концу этого года вдруг заговорят о новых талантах. Нужно запретить распоряжаться крестьянами без земли. Они от земли неотторжимы. В жизни Строганова — хотя крестьянской свободы, от которой он ждал чудесного роста народных дарований, он не дождался — случилась еще одна пора, когда он снова встал во весь рост, рост гражданина Очера. И лучшие мысли своего века, и имя родины, и любовь к ней он пронес еще раз, на этот раз в войне, в той народной войне с захватчиком, которого он ненавидел. Ненавидел двойной ненавистью, кровавой: и за свое время и за свою родину. Наполеон напал на русскую землю. Как человек своего времени, он поклялся уничтожить завоевателя, стереть след его. Как гражданин Очер, чтобы больше не тревожил слуха, не тревожил звук его имени. Потому что не мог человек, носивший благородное простое уральское, русское имя Очера, имя северное, горное, простить тому, забыть о том, кто презрел человечество в его благородных надеждах.

А как Строганов Павел Александрович, он стал генералом победной русской армии в 1813 году, продолжал вести войну с Наполеоном, добиваясь его уничтожения. Он был человек храбрости, ни перед чем не склоняющейся.

Он воевал с Наполеоном начиная с 1805 года и был на полях больших битв. У русского воспитанника Ромма — последнего монтаньяра — началась походная жизнь. У него была ясная цель. Он ненавидел Наполеона. Он странствовал по полям битв, добиваясь упорно одного. Волонтером пошел он в действующую армию. Отныне для него существовала только военная служба... Он был в Бородинском сражении, в Лейпцигской битве народов, был при покорении Парижа. Наконец, воевал вместе с сыном Александром. Молодой Александр напоминал ему его собственную молодость. Как военный и только военный — сражался рядом с ним его сын. Победоносный двенадцатый год прошел, миновал. Гражданин Очер продолжал войну.

При французском месте Краон шел жестокий бой. Пятнадцать тысяч русского войска под командой генерал-лейтенанта Павла Строганова сражалось против пятидесяти тысяч неприятелей. Он не видел сына — сын был на левом фланге. Бой кончался. Пятидесятитысячная армия Наполеона дрогнула перед трижды меньшей русской. Еще мгновение — и победа Краона решила кампанию. И он стал искать сына. Сыну исполнилось

уже 19 лет. Он хотел сказать ему после боя, что теперь они всегда будут вместе — молодость прошла, а его начиналась.

Сегодня был бой, которого с Бородине не было в мире. И он искал сына, который должен был быть неподалеку, на самой опушке леса.

Но уж искали его.

Его проводили к месту, где был его сын. И после этого он передал команду сражения, которое кончилось громкой, блистательной победой. Сын его был убит. Нет, он был уничтожен. Шальная граната оторвала ему голову. Его борьба кончалась, но кончалась победой. Ненавистный Наполеон был сметен с лица земли. И так как война дала победу, он до конца остался военным.

Гражданин Очер знал все, что нужно. Он любил, как воевал, — до конца.

Последний рассказ Юрия Тынянова

«Гражданин Очер» — последний рассказ Юрия Тынянова. Он был написан им незадолго до смерти, в 1942 году, в Перми, где писатель находился в эвакуации. Но замысел рассказа возник на много лет раньше, еще в 1930 году. Первоначально Ю. Н. Тынянов собирался написать на эту тему пьесу: «Овернский мул, или Золотой напиток». Его привлекла необычная биография графа Павла Строганова. Сын русского вельможи, он был воспитанником философа-революционера Жильбера Ромма, вместе с которым принимал участие в событиях Великой французской революции. Затем он был одним из «молодых друзей» Александра I в период его либеральных увлечений, а в годы Отечественной войны с Наполеоном — одним из боевых и талантливых генералов русской армии, дошедшей до Парижа.

Участие Павла Строганова и Жильбера Ромма, знаменитого члена Конвента, якобинца, автора «революционного календаря», в событиях Великой французской революции должно было стать основой пьесы «Овернский мул, или Золотой напиток». Со свойственной ему тщательностью Ю. Н. Тынянов в течение ряда лет собирал материалы для пьесы, делал многочисленные выписки из первоисточников, прежде всего из работ и выступлений Ж. Ромма, разыскивал сведения о его пребывании в России у Строгановых. Сохранилось либретто пьесы, в котором намечены ее основные мотивы и события. В этом либретто значительная часть действия повести происходит во Франции. После путешествия по заводам Строгановых для завершения воспитания Павла он вместе с Роммом и крепостным Строганова — Воронихиным отправляется во Францию, где сблизается с Теруань де Мерикур. Под именем «гражданина Очера» (название уральского завода Строгановых) Павел Строганов делается секретарем клуба «Друзей закона», а затем вместе с Воронихиным вступает в международное объединение, возглавляемое Анахарсисом Клоотцем, — «Род человеческий». Вызванный по доносу русского посла в Петербург, Строганов принужден покинуть Францию. Ромм остается в одиночестве. За исключением некоторых побочных линий, этот же сюжет лег и в основу рассказа, писавшегося по памяти через много лет. В рассказ не вошла история уральского рабочего Егора Берлогина, ездившего со Строгановым во Францию и принятого там за Ромма, на которого он был похож. Не вошли события, связанные также с отношениями Строганова с Теруань де Мерикур, эпизод женитьбы Ромма на вдове солдата, павшего за родину, намечавшиеся как отдельные мотивы пьесы. Ю. Н. Тынянов писал рассказ в самые тяжелые месяцы войны, и фигура Павла Строганова привлекала его не только в качестве участника революции, но и как русского патриота, героя Отечественной войны.

«Гражданин Очер» написан тяжело больным, прикованным к постели писателем в условиях походной, гостиничной жизни. Собранные для этой темы обширные материалы, выписки, книги остались в Ленинграде. Это в известной мере отразилось на рассказе, черновик которого написан большими угловатыми буквами уже плохо слушавшейся рукой писателя. Один из вариантов рассказа был продиктован им жене, Е. А. Тыняновой. Эта рукопись сохранилась в бумагах Ю. Н. Тынянова, переданных лишь недавно в Центральный Литературный архив его дочерью. Однако и в этом рассказе мы найдем великолепные портреты — старика Строганова, Жильбера Ромма, написанные с присущими Ю. Н. Тынянову мастерством и уверенностью. Деспотический и своенравный старик Строганов, потомок купеческого рода, «освоившего» Сибирь и Урал, владевшего несметными богатствами и десятками тысяч крепостных душ, показан со всем блеском портретного мастерства писателя. Строганов может себе позволить даже ворчать на императрицу, находиться в легкой оппозиции к бюрократическому кругу. Интересен и Жильбер Ромм, суровый, аскетический республиканец, философ, материалист, ригористически честный и преданный до конца революционной идее. Ю. Н. Тынянов стремился передать в своем рассказе характеры и идеи, характеризующие эпоху. Он глубоко проникал в самый «дух» эпохи, передавал ее своеобразие и неповторимость, самый «шум времени». Поэтому его последний рассказ, публикуемый через два десятилетия, сохранил интерес для читателей. Можно лишь пожалеть, что обширный замысел произведения, посвященного Великой французской революции, во всем своем объеме так и остался неосуществленным. В основу текста положен автограф повести, сохранившийся в архиве писателя. Главки 1, 4 и 5 даны по записи, продиктованной Ю. Тыняновым и хранящейся в Центральном Государственном Литературном архиве.

Н. Л. СТЕПАНОВ